

**В**ладимир Шемшученко отнюдь не новичок в поэзии. Его книги удостоены многих премий. И тем интереснее проанализировать недавно вышедший из печати сборник «Избранное»<sup>1</sup> на предмет определения своеобразия, уникальности поэтической мысли и поэтического слова. Что же бросается в глаза при первом знакомстве со стихами этого автора и что, напротив, требует пристально-вглядывания, едва ли не герменевтического подхода? Попробуем эти индивидуальные черты (условно, конечно же!) «пронумеровать».

Во-первых, поэзия Владимира Шемшученко — поэзия мужская. На литературном горизонте сейчас продолжается период, когда женщины и ведут себя, и пишут подчеркнуто по-мужски, а противоположный пол не чурается женственных признаний, шквала обид и прочих атрибутов не своего гендера. У Шемшученко все четко по-мужски:

«Ненависть — высшей пробы! — / Сыну  
в сердце вложу...»

«Плачет сука, и я с ней плачу, / Ненавидя  
и благодаря...»

«Двадцатый век оттяпал полдуши / И  
треть страны, в которой я родился...»

---

<sup>1</sup> Владимир Шемшученко. Избранное (книга стихотворений). — СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2016.

«И вдрывз разругались соперницы-кошки, / Изрядно помяв меховые манто. / Вот глупые твари. Свернуть бы им бошки!»

«А собачьи глаза — Вон какие стихи сочиняют!»

«Любимая, я — идиот — / Европа стихи не читает...»

«К чертям занудный ход календаря!»

«И в рюкзак уложить тишину и усталость...»

Во-вторых, Владимир Шемшученко — поэт эпатажа, отстаивающий свое право на эмоции, достаточно часто альтернативные классическим поэтическим ожиданиям. Но этим голосом говорят сейчас очень многие, которым эти стихи, если бы они их услышали, были бы до боли близки и дороги. У поэта Геннадия Калашникова есть выразительная строка: «Вся суть поэзии — касанье, она не зеркало — ладонь». То, о чем рассказывает лирика Владимира Шемшученко, касается буквально каждого соотечественника-современника: «Неладно со времен царя Гороха...», «Обшарпанный футляр, а в нем аккордеон...», «Я устал. Мне уже никогда...», «Стало страшно читать и писать...», «Петь не умеешь — вой...» Мы привели сейчас самые первые строки (и, соответственно, названия некоторых стихов), тематически различных, но равно остающихся в памяти и структурирующих образ поэта.

Ролан Барт выдвинул идею о «третьем

смысле» кинопрочтения произведений. Первый смысл — социально-этический, второй — эстетический, однако фильм фиксирует всегда несколько больше, чем хотел сказать автор. Примерно о том же пишет в своей книге «Простодушное чтение» и Сергей Костырко: «А у художества, как известно, своя логика, и противоречие между тем, что намерен был сказать автор, и тем, что сказалось, почти всегда неизбежно». Мы сейчас ведем речь о том, что у Владимира Шемшученко немало строк уделено «русской болезни», поскольку талантливый поэт, подчас независимо от своих установок, то есть интуитивно, становится всеобъемлющим зеркалом социума. Причем упомянутая тема работает и на образный ряд: «И хлебнув с утра весенней влаги, / Провода трамвайные поют...» Тут проступает очень напряженный нерв оценки: все ли, что есть в жизни, должно проникать в книгу или все же не все? Отражаем ли мы происходящее или утоляем извечный голод, свою неумную тоску по идеалам и образцам повседневного поведения?

Вот одно из самых сильных стихотворений «Счет»: «Я иду, заливаясь слезами, / Всеотзывчивость нашу кляня... / А навстречу — со злыми глазами! — / Боже, как они любят меня!» Нас всех достаточно часто захлестывают отрицательные эмоции, которые, оказывается, тоже нужны личности, что блестяще доказал в своей книге Томас Гордон, защищая права детей на гнев и зависть, обиду и злость. Кстати, американского психолога трижды представляли к Нобелевской премии, но его смерть сняла этот вопрос с рассмотрения. Мы же пишем об этом потому, что сильным эмоциям ой как необходим свой язык. «Язык не может быть сокровенным. Если он сокровенен — он не язык», — подчеркивает в романе «Полевые исследования украинского секса» Оксана Забужко.

Тем ярче в сборнике «Избранное» у Владимира Шемшученко звучат альтернативные, хорошие стихи, например, о сыне, подбравшем котенка, или о дятле за окном.

«Котенок спит, а рядом спит счастливый / Поэт, не написавший ни строки...»

«...Лукавый кругленький глазок... / Обыденно... Но так красиво! // ...И он бросает вызов мне / Трехстопным ямбом в те-

леграмме. / На нем атласный колпачок / И боевое оперенье... / Ну ладно, ладно, дурачок. / — Ты лучшее стихотворенье!»

Продолжим наш подсчет особенностей поэтики Владимира Шемшученко. Итак (это уже, в-третьих), стихи его подкупают необычным для поэтического языка соединением, сочетанием, сопряжением живой интонации разговорной речи, что, по сути, мы уже продемонстрировали, и яркими аллюзиями, цитатами из классики, а также упоминаниями современных поэтов и писателей. Это строки из Блока и Маяковского, Ломоносова и Пастернака, Александра Пушкина и Александра Грина. Это аллюзия алых парусов и аллюзия Э.-М. Ремарка: «На писательском фронте без перемена...» Упомянется Юрий Кузнецов, Геннадий Айги, Захар Прилепин, Глеб Горбовский. К отдельным стихам предпосланы эпиграфы из Пушкина, Блока, Мандельштама, Исаковского. Есть посвящения — Марине Кудимовой, например. Таким путем создается лирика, весьма насыщенная именами и образами.

В-четвертых, в стихах сборника много Петербурга, даже если судить только по названиям: «Петербург», «Васильевский остров», «Петербургский вальс», «Наводнение», «Город Гамлет». Впрочем, и вся страна представлена: Караганда, Курилы, Киев, Феодосия, Донецк, Соловки, Онега...

В-пятых (что связано с сильными протестными переживаниями!), в стихах много «политики», они как пронзительная, пронизывающая оценка непростой нашей современности, включая до сих пор «беснующихся укров» и таджиков, вынужденных зарабатывать среди тех, кого выселяли и проклинали. «Посмотрите в окно — кто метет и скребет наши улицы? / Это дети оравших до времени: «Русские, вон!»

По словам Александра Иличевского, «текст — это попытка размышления по поводу того, что тебе неизвестно...»<sup>2</sup> Полагаем, что исследовательский посыл есть не только у романа, но и у стихотворения, которое тоже становится инструментом не одного лишь отражения, а еще и анализа события. Вот, например, очень точная зарисовка узнаваемых эмоций: «Скитается взгляд по вагону, чего ни коснется — болит!»

<sup>2</sup> «Новый мир». 2012, № 5. С. 227.

Добавим, стихи — это еще и аутоисследование, интерпретация собственного поступка: «Здравствуй. Знал, что вернешься, и верил — / Я тебя отпустил, чтобы этим тебя удержать...»

Впрочем, продолжать выделенные выше «во-первых», «во-вторых» и далее не следует: начинает угасать самое главное. Дело здесь вот в чем. При таком эпажате и такой «политике», при такой многоликости Петербурга и таких списках имен объединяющим началом, пронизывающим каждый блок, каждый «отсек» своеобразия, у Владимира Шемшученко является яркий лиризм, замечательное чувство необходимости той или иной, всегда по-мужски сильной эмоции.

«Он вытаскил меня из пьяной драки / И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...» / Он умер тихо, но его собаки / Заснуть всему кварталу не дают...»

«Время любить — без любви умирают, / Вьнут, как сбитая градом трава...»

«Не вы гоняли голубей, / Но вы — пойте-те...»

«Не гляди на меня. Лучше слушай, как мокро лапой / Закопная ель одичало скребется в стекло. / Пересилив себя, ты сумела назвать меня папой / И сама испугалась — давненько мне так не везло...»

«Снега хочется! Солнца! / Рук твоих! Черт возьми!»

Лирика Шемшученко демонстрирует умение не только пережить, но и выразить эмоцию. Как? Да по-разному и всегда по-своему, так, как мало кто в поэзии эти эмоции выражал. Рассмотрим один интересный, содержательный сюжетный ход и один ход, один прием сугубо формальный, грамматический, поясняя сказанное примерами.

В сборнике парадоксально большое место уделено... собакам, или, выражаясь галантным научным языком, концепту «собака», что тоже больше свойственно сугубо мужской поэтике. Считается, что лучшие собаки у Чехова. В поэзии, конечно же, вспоминается Сергей Есенин. Стихотворение Ивана Бунина «Одиночество» заканчивается словами: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить». Так и у нашего автора эмоциональная нить протянута к собачьему бытию и сердцу.

«Вот метель, беспощадно диктует стихи, / И наплевать ей, что псы и поэты похожи...»

«Псина сторожевая / Вдруг замолчала у ног...»

«Подходит хозяин, хромая на правую ногу, / И гладит собаку по шерсти, скрывающей шрам...»

«У меня на руках абрикосовый дремлет щенок...»

Образ собаки сродни поэту по силе переживаемых чувств и невозможности выразить их словами. Для животного это абсолютная невозможность, а для поэта — не что иное, как извечная неудовлетворенность очередным плодом собственного творчества, опять не утолившим авторские ожидания.

Поэзия — это движение образов, художественная бесконечность их прочтения. «И соло василька в большом цветочном хоре...» Как мы уже подчеркнули, в этих поэтических образах частым гостем становится узнаваемый Петербург.

«...И снежные хищники с крыш / Не прыгают на прохожих...»

«Постою, помолчу, погляжу на мятущийся снег. / Он еще не лежит на карнизах свалывшейся ваты. / Он летит и летит, и моих не касается век. / Он, конечно же, синий, и пахнет, естественно, мятой...»

Он летит и летит... Вот мы и приблизились к характерному для Владимира Шемшученко грамматическому приему, который этот замечательно разрабатывает. Конечного этого стихотворения: «Снег уже не идет. Он уходит, уходит, уходит...» Повтором современного читателя не удивишь, но ведь здесь повторяется так называемое настоящее актуальное, сиюминутное. Повторяется — и потому продлевается. Вот финал еще одного сюжета: «Тонкий ломается лед — Кто-то под окнами ходит. / Что-нибудь произойдет / Или уже происходит...» Из других стихов:

«Заносит меня в Петербурге метель, / Заносит, заносит, заносит...»

«И листает, листает, листает / Календарь новогодний зима...»

«Я, словно снег, иду, иду к тебе...»

Говорит, гладит, дремлет, спит, примеряет, прошу, ждет, поем, врывается, роняет, ржет, стирает, целую, знают, сторонятся, кружит, пахнет, согреваю... Мы сейчас выписали из финальных строк глаголы-ска-

зуемые. Обратим внимание: это все формы настоящего времени. В музыке есть та-кой значок: фермата. Тяни звук, сколько хочешь: если подольше, то звук станет лучше, выразительнее. Так и поэт формой настоящего времени продолжает, продлевает звучание стиха, хотя стих будто бы уже и закончен.

Повтор требует большой осторожности: это весьма сильный прием. Случайно ли, что в сборнике лишь три вещи выстроены по эффективной модели. Два по модели: Это... Это... Это...

«А на реке светает — Это издалека, / Это растет, нарастает (вот оно опять, настоящее время!)... Это еще не звук, / Это из сердцевины... / Это небесный паук / Звездной наткал паутины... / Это корова-луна / Тучу поддела рогами. / Это кричит тишина / Между двумя берегами (каков образ реки и потрясающей тишины над нею!)... / Это — здесь и сейчас! — / Заговорить стихами... / Это — последний шанс / Не превратиться в камень...»

В другом стихотворении трижды повторяется группа придаточных, начинающихся

с «когда»: «Когда нет преданного друга, / Когда не подадут руки, / Когда никто не интересен...» Двадцать один ответ в общей сложности протягивает читателю поэт на заголовочный вопрос: когда же «мысль превращается в слова»?

И все-таки от анализа ускользает главное: почему стихи лучше не разбирать, а читать и читать. И ценить этот дар в другом. У Федора Ермошина есть интересное сравнение наименований лиц с шахматными фигурами. «Поэт — наиболее чувствительный, чуткоухий, но и самый зыбкий агент в этом мире речи. Если сравнить язык с шахматами, то пешками будут журналисты, турками — прозаики (с их эпической обстоятельностью и неповоротливостью), политики — конями (не знаясь, куда увильнет, и от корявого конноязычия до афоризма один ход), поэт — ферзем: он может ходить, как ему вздумается, он дерзок, размашист и почти всесилен, но его гибель наиболее разительно сказывается на всем балансе сил»<sup>3</sup>.

В любом случае, в поэзии Владимира Шемшученко есть что исследовать и есть что просто читать.



<sup>3</sup> «Знамя». 2007. № 10. С. 187.